
DOI 10.15826/QR.2016.1.152

УДК 81'25+930(470)"17"+94(470)"17"

ПЕРЕВОДЧИКИ XVIII В. И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУКИ В РОССИИ

Вим Куденис

Католический университет,
Лёвен, Бельгия

TRANSLATORS AND THE EMERGENCE OF HISTORIOGRAPHY IN EIGHTEENTH- CENTURY RUSSIA*

Wim Coudenys

University of Leuven,
Leuven, Belgium

An important aspect of the modernisation of Russia in the 18th century was the creation of academic institutions that relied on European traditions of research and education. Translation was the main mechanism of the 'transfer of knowledge', as well as a scientific method. Translation, however, was not restricted to the mere translation of academic texts into Russian: it also played a crucial role in the development of the sciences themselves in Russia and facilitated the exchange of scientific and scholarly knowledge with Western Europe (the 'circulation of knowledge'). History was one of the disciplines where translation was particularly crucial. This article studies in detail the dynamics of translation within 18th-century Russian historiography. Based on statistical data derived from the *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* and the *Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov XVIII v.*, the article draws some interesting conclusions with regard to the constantly changing relationship between translators and historians (who were not infrequently the same people). Most of the article (and its sequel in the next issue of QR) deals with the role

* Citation: Coudenys, W. (2016). Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152.

Цитирование: Coudenys W. Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152 / Куденис В. Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 235–260. DOI 10.15826/QR.2016.1.152.

of translation in the emergence of Russian history as an academic discipline. It developed from a tool used for political purposes under Peter I into a method for the study of historical sources. This development led to the establishment of historiography as a discipline that relied both on verifiable sources and followed the rhetorical logic of narrative texts. At the beginning of the 19th century, translation as a tool and a historical methodology lost its significance. What did remain was the profound tradition of reference to international knowledge. Later on, Russian historiography was considerably enriched by translations of historical works. This argument makes up the first part of the article.

Keywords: Russian historiography; Peter I; translation activity; 18th century history.

Одним из главных аспектов модернизации России в XVIII в. было создание академической науки. Европейский исследовательский опыт, сложившиеся научные школы были конструктивно восприняты в нарождающейся российской науке. Важным механизмом трансляции знаний и методов исследования был перевод. Однако перевод не ограничился простым «переложением» научных работ на русский язык, но играл решающую роль как в развитии самой науки в России, так и в обмене научными знаниями и опытом с Европой («циркуляция знаний»). Среди наук, которые особенно активно обращались к переводческой деятельности, оказалась историография. В статье подробно рассматриваются динамика переводческой деятельности и ее соотношение с потребностями исторической науки. На основании статистических данных, почерпнутых из «Словаря русских писателей XVIII в.», а также материалов «Каталога личных архивных фондов отечественных историков XVIII в. и первой половины XIX в.», автор делает интересные заключения о процессе взаимоотношений переводчиков и историков, иногда представленных одним лицом. В статье оценивается роль перевода в развитии российской исторической науки от цели распространения политической пропаганды при Петре I через задачу раскрытия исторических источников (в середине XVIII в.) до становления историографии как науки, опирающейся на источники, но в то же время соответствующей правилам нарратива (риторики). Сыграв свою конструктивную роль в формировании академической истории, в начале XIX в. перевод как историографический прием и метод отодвинулся на задний план. Но осталась глубокая традиция обращения к международному опыту, и в последующие времена российская историография многократно обогащалась переводами исторических штудий. В этом номере печатается первая часть статьи.

Ключевые слова: российская историография; Петр Первый; переводческая деятельность; история XVIII в.

Принято считать, что перевод сыграл ключевую роль в модернизации России XVIII в. Однако он не только ускорил передачу научных и технологических знаний [Gouzévitch, 2003; Gouzévitch, 2006], но занял важное место в приобщении к европейскому культурному наследию, которое началось не позднее XVII в. [Киселева] и заложило

основы для формирования российских научных и образовательных институтов, таких как Академия наук (1724), Московский университет (1755) и Российская академия (1783–1841) [Файнштейн; Алферов; Университет в Российской империи]. Переводы стали важным фактором в процессе осмысления новых знаний, результатом чего явилось присоединение России во второй половине XVIII в. к западному «миру знаний», имевшему свои особенности распространения («циркуляция знаний») [Файнштейн; Доронин]. Следовательно, при изучении развития научных дисциплин и создании профессиональных сообществ необходимо принимать во внимание перевод и его alter ego – «передачу культурного наследия» и «циркуляцию (распространение) знаний». Эта мысль в полной мере подтверждается многочисленными примерами, поскольку именно перевод в XVIII в. художественных произведений во многом положил начало новой русской литературе XIX в. [см. об этом: Левин; Клейн; Баренбаум; Рак; М. В. Ломоносов и словесность его времени; Golburt]. Подобное положение касается и исторической науки.

Появление российской историографии в XVIII в. было частью общего процесса модернизации, который начался при Петре Великом и в первой половине XIX в. стал самостоятельной научной дисциплиной с институтами (архивами, университетскими кафедрами истории, семинарами по истории и т. п.) и сообществами профессиональных историков. Все это обеспечило формирование исторического сознания Российского государства и положило начало истории как научной дисциплине [Scholz, 2000; Naissance de l'historiographie russe; Schippan, p. 368–399; Вовина-Лебедева; Ecrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii]. Этот процесс был характерен не только для России, он имел много общего с западной научной традицией, где история начиналась с теологических дискуссий и лекций богатых антикваров-любителей, а затем стала занятием профессионалов, заботившихся о национальных интересах и проблемах методологии [Grafton, 1999; Grafton, 2007; Sweet; Turner].

Уже в 1714 г. Ф. С. Салтыков (?–1715) уговорил Петра I использовать историографию для укрепления международных позиций России и власти царя. Он писал следующее:

Довлеет зачинать писать гисторию. <...> И к такому описанию гистории велеть выбрать из иноземцев и из других умных людей и велеть им справляться с приказами обо всем. <...> И когда такая гистория сделается на славенском языке, велеть ее напечатать для известия российского народа, и о храбрости и о мужестве в[ашего] в[оинст]ва и премудрых ваших отправлений, и о всяких ваших трудностях, также же и о храбрости воинской российского народа. <...>

И когда такая гистория напечатается на славенском языке, велеть ее перевести на латынской, французской и немецкой языки и на тех языках напечатать и велеть их разослать во все государства <...>.

Хотя бы в предыдущих годах какие неприятельские соседственные историки писали к своему оправданию какие выправки, а вашему государству какие неправости и читающие иностранцы такую сделанную вашу историю будут знать о произвождении всех ваших отправлений, как воинских, так и морских, и сия история будет впредки всегда напояхвалу вечную в[ашему] величеству [Салтыков, 1897, с. 15–16; ср.: Hughes, 1998, с. 322].

В России, однако, отсутствовала историографическая и интеллектуальная традиция, которая позволила бы быстро достичь этой цели, поэтому на первом этапе первостепенное значение имели иностранные переводы научных трудов. На протяжении всего XVIII в. историография и перевод были тесно связаны друг с другом, впоследствии ситуация изменилась.

В чем заключалась связь между историографией и переводом, как они менялись и как эти изменения повлияли на переход историографии в разряд научных дисциплин – именно эти вопросы составили предмет нашего исследования.

Историки и переводчики

На этапе предварительного исследования были определены имена 236 лиц, так или иначе участвовавших в изложении исторического материала, переводе исторических текстов или в большинстве случаев выполнявших и то, и другое. Для достижения цели статьи и оптимизации анализа выборка имен специалистов, связанных с трудами по истории, производилась из двух основных источников – «Каталога личных архивных фондов отечественных историков. XVIII век» (далее – КЛА-18), последовавшего за ним «Каталога личных архивных фондов отечественных историков. Первая половина XIX века» (далее – КЛА-19) и «Словаря русских писателей XVIII века» (далее – СРП-18), которые в целом включают в себя 167 имен, то есть 71 % от полного списка.

Краткий обзор КЛА-18 и КЛА-19 уже дает представление об изменении отношений между историками и переводчиками. В КЛА-18 включены имена 80 историков, 25 из которых также обозначены как переводчики. По крайней мере, еще семеро (Г. Ф. Миллер, Г. Гюйсен (Гизен), И. В. Паузе (Паус), Х. А. Чеботарев, А. Л. Шлецер, Я. Я. Штелин и М. М. Щербатов) формально не числились как переводчики, хотя из их биографий и библиографических ссылок мы знаем, что они много работали над переводом исторических текстов. В КЛА-19 входят имена 181 историка, только десять из них обозначены как переводчики. С другой стороны, СРП-18 перечисляет имена 135 писателей-переводчиков, имевших дело с историческими текстами, 48 из них также упоминаются в КЛА-18. Если мы построим график, используя выбранные имена и время работы писателей-переводчиков в качестве данных, получим наглядную схему (рис. 1).

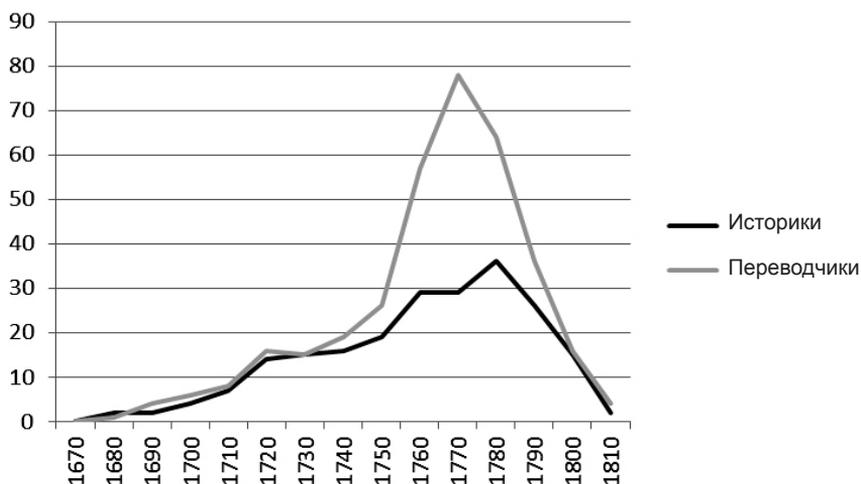

Рис. 1. Численное соотношение историков и переводчиков исторических трудов (конец XVII – начало XIX в.) [КЛА-18; СРП-18]

Несомненно, существует тесная связь между развитием историографии и процессом перевода, пик которого пришелся на правление Екатерины II. Это подтверждает мысль о том, что царствование Екатерины II было благоприятным периодом для формирования исторического сознания и интенсификации процесса модернизации. В связи с этим показательным фактом явилось создание «Собрания старающегося о переводе иностранных книг» (1768–1783), целью которого было сократить разрыв в знаниях между Россией и Западом. Это была не первая попытка организации подобного сообщества переводчиков, но российское собрание, которое функционировало с середины 1730-х гг., очевидно, было менее успешным [Пекарский, 1870–1873, т. 1, с. 524, 638–645; Семенников; Копелевич, с. 150–154; Schierle, с. 627]. За время существования «Собрания» переводчики подготовили к изданию 112 книг. Кроме текстов древних классиков и античных писателей, переводились сочинения французских просветителей, а также книги по истории, географии, астрономии, физике, химии. В то время как в XVIII в. описанием исторических событий занимались одновременно географы, естествоиспытатели, духовные лица и государственные деятели, к концу XVIII в. история стала самостоятельной дисциплиной и обособилась от «перевода», который теперь главным образом соотносили с литературой и/или «коммуникацией», что наглядно представлено на приведенном графике (в широком смысле об этом свидетельствуют двойные определения в КЛА-19).

Если мы сосредоточим внимание на сведениях, приведенных в КЛА-18 об историках и историках, которые были в то же время переводчиками, то их сравнение может оставить впечатление, что перевод составлял лишь небольшую часть историографической деятельности в целом (рис. 2).

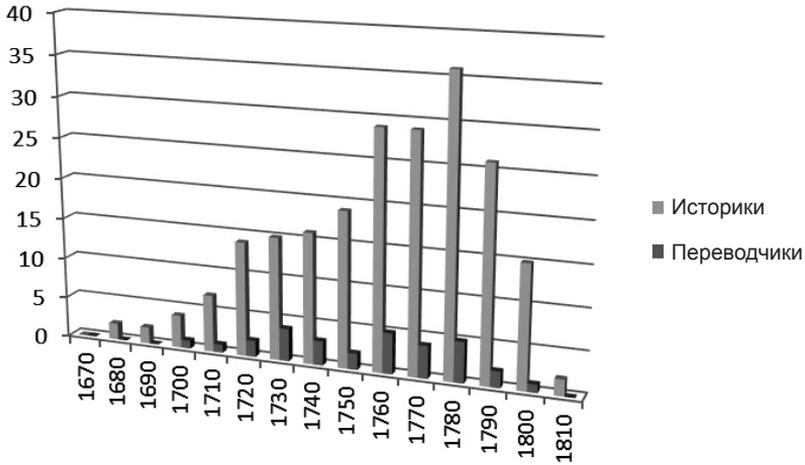

Рис. 2. Численное совпадение историков и историков-переводчиков (конец XVII – начало XIX в.) [КЛИА-18]

Однако если перевести те же самые данные в проценты, мы получим совершенно другое представление о развитии отношений между историей и переводами в области истории (рис. 3).

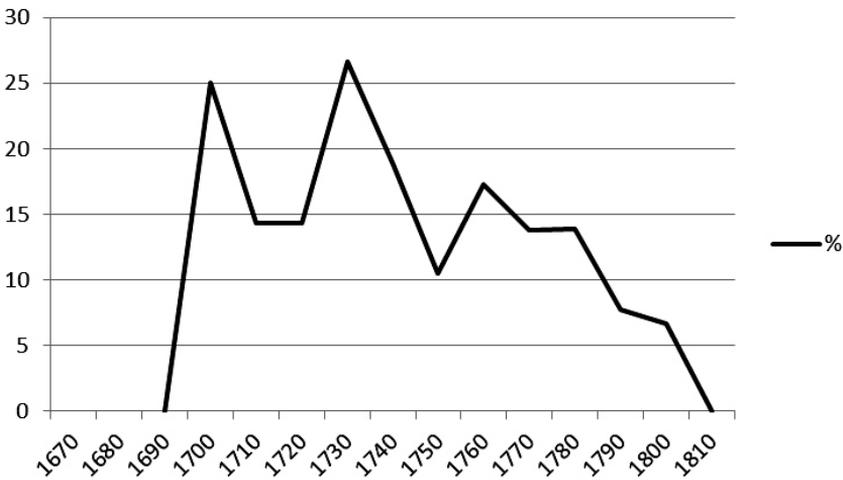

Рис. 3. Процентное соотношение историков и историков-переводчиков (конец XVII – начало XIX в.) [КЛИА-18]

Вышеприведенные наблюдения на основе просопографических данных дают основание утверждать, что перевод, выступавший как механизм запуска процесса описания истории в первой половине XVIII в., со временем утратил свое значение. В развитии российской

историографии можно выделить три кульминационные точки: это возникновение у Петра I интереса к историографии, работа Российского собрания в 1730-х гг. и вышеупомянутый всплеск переводческой активности в период правления Екатерины II. Это явление можно также объяснить тем, что знание языков было одним из требований, предъявляемых российским историкам, поскольку это позволяло им иметь дело с иноязычными источниками или делиться своими открытиями с зарубежными современниками. В России в первой половине XVIII в. было немного людей, владеющих языками в совершенстве, поэтому переводчики активно участвовали в распространении научных знаний. Не случайно переводчики, занимавшиеся историографией, играли большую роль и в создании российской лингвистики и лингводидактики [Keipert; Kislova; Koch]. Их влияние ослабело, когда во второй половине XVIII в. представители высшего сословия стали активно изучать европейские языки, и преподавание таких предметов, как история и география, преимущественно велось на французском [Rjéoutski, 2013a; Rjéoutski, 2013b; Offord, 2014].

Если сопоставить имена писателей-переводчиков исторических текстов (СРП-18) с историками (КЛА-18), то мы увидим, что полученные данные коррелируются с приведенными ранее (рис. 4; см. также рис. 1).

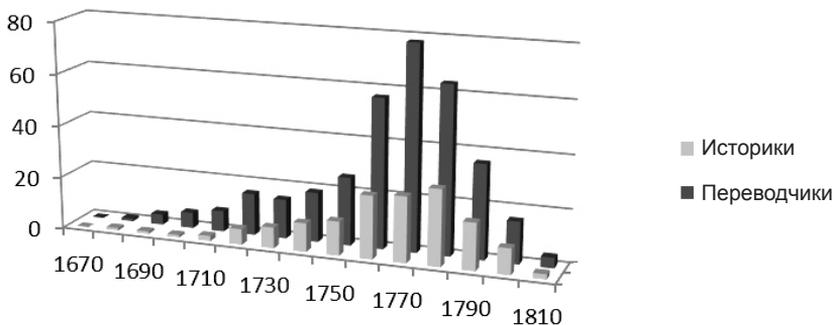

Рис. 4. Численное соотношение переводчиков и историков (конец XVII – начало XIX в.) [СРП-18; КЛА-18]

Тем не менее, если мы вновь переведем данные в проценты, получим результат, сходный с результатом, представленным на рис. 3, хотя с некоторым «отставанием», как если бы перевод исторических текстов, в данном случае зарубежных, стал динамичнее развиваться *после* периода наиболее активной переводческой деятельности в области истории (рис. 5). Однако следует сделать оговорку: этот график устанавливает соотношение не между историческими научными трудами и их переводами, но между характером деятельности историков и переводчиков (которые не обозначены конкретно как историки). Необходимо отметить, что мы рассматриваем в процессе перевода примеры адаптации и популяризации (интерсемиотические переводы)

истории или полемики, а не только серьезные научные исследования. Учитывая это, можно объяснить, почему ряд переводчиков не указан в числе историков (например, Ф. А. Эмин, И. Н. Болтин).

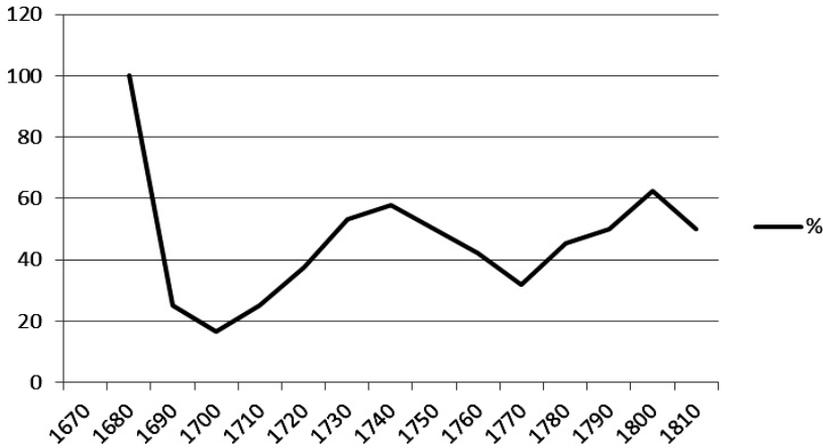

Рис. 5. Процентное соотношение переводчиков и историков (конец XVII – начало XIX в.)

Отметим, что в XVIII в. было, по меньшей мере, три особых вида и/или периода развития тандема «историография – перевод».

Translatio instrumentalis – перевод как средство модернизации России и практического применения истории для политических целей. Этот способ особенно характерен для периода правления Петра I.

Translatio illuminans: на первый план выходит вспомогательная роль перевода в развитии историографии. Это выражение можно понимать буквально: считать перевод «вспомогательной наукой» как средневековую *translation scientifica* или воспринимать его как неотъемлемую часть описания истории, когда переводчик получает доступ к источникам и может делиться ими с коллегами. Эта особенность была характерна для периода конца 1720-х – конца 1760-х гг.

Translatio deliberativa: перевод используют для того, чтобы высказать идею и/или обсудить с другими (на Западе) вопросы истории, то есть для распространения исторических знаний, что было характерно начиная с 1770-х гг.

Хотя эти способы могут быть соотнесены с определенными отрезками времени, было бы ошибочным описывать влияние перевода на становление российской историографии в XVIII в. как последовательный процесс. Напротив, новый вид не вытеснял предшествующие, но поверх предыдущего образовывался новый слой, создавая таким образом своего рода «слоеный пирог». По отдельности каждый слой или вид можно рассматривать как особую модель передачи знаний, а вместе они представляют собой сложный механизм их распространения.

***Translatio instrumentalis*: история как инструмент модернизации политической пропаганды**

Идея, которую предложил Ф. С. Салтыков Петру I в 1714 г., не была революционной. Она просто давала официальное признание стремительно распространяющейся тенденции. История в то время воспринималась не как самоцель, но как средство для достижения более высокой цели, то есть открытия истины (в философском смысле). В лучшем случае она рассматривалась как составляющая более широких понятий «знание» или «наука», к которым относились математика и география, но также история и изучение языков. На практике исторические факты часто использовались для того, чтобы разоблачать ложные притязания в ходе политических, религиозных конфликтов и таким образом придавать большую значимость требованиям противоборствующей стороны [Grell, 1993; Mulsow, 2012]. В конце XVII в. это привело к созданию так называемого *res diplomatica*, критического изучения текстов, которое легло в основу дисциплины, известной сегодня как дипломатика, являющаяся частью археографии. В результате история часто становилась орудием религиозной и/или политической пропаганды, поддерживающей власть церкви и/или абсолютной монархии. Со временем роль последней как в Европе, так и в России существенно возросла [Barret-Kriegel; Киселева, с. 343 и далее; Turner, p. 55–561¹].

В конце XVII в. в России еще не была сформирована научная традиция [Okenfuss]. Страна не была частью международного научного сообщества [Burke, 2000; Mulsow] и не говорила на его языках – на латыни и с XVII в. – на французском [Burke, 2004; Burke, 2007]. Еще не открыла Россия и свое прошлое, практически полностью опираясь на переводы и переложения зарубежных сочинений по своей истории, таких как, например, «Синописис Киевский» Иннокентия Гизеля (1674), повествующий об истории Руси и князьях, который повсеместно читали еще в XIX в. [Самарин, с. 20–76; Маловичко; Сапожников, Сапожникова].

Петр I приобщил страну к малоизвестному до той поры типу научных знаний, но это происходило бессистемно, методом проб и ошибок из-за отсутствия общепринятой культуры межъязыковой коммуникации и привлечения к работе неподготовленных переводчиков [Winter; Marker; Cross; Hughes; Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур; Lehmann-Carli, Schippan, Scholz & Brohm; Cracraft; Glück & Polanska; Хотеев.; Rjéoutski, 2013a; Rjéoutski, 2013b; Argent, Of-ford & Rjéoutski]. «Генеральный регламент» 1720 г. подчеркнул важность работы переводчиков в деле модернизации России, но не упомянул значение историографии [Хотеев, с. 106]. В указе от 23 января 1724 г. роль переводчиков была описана следующим образом:

¹ Термин «археография» был введен Ж. Спеном (Jacques Spon) в 1685 г., но в значении «дипломатика» остался в славянских языках [Turner, p. 184–185].

Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводить, перевести то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских или иноземцев, кои или здесь родились, или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой [Цит. по: Пекарский, 1862, с. 243].

Однако найти переводчиков оказалось непросто. В России не существовало традиции изучения европейских языков. Еще во время царствования Алексея Михайловича переводчиками устных речей и письменных текстов служили иностранцы [Иларионова, с. 18–25; Лабутина, с. 179, 182]. Потенциальными кандидатами в переводчики были иностранцы, жившие в Немецкой слободе, ученики немецкой гимназии в Москве или шведские военнопленные, поступившие на русскую службу [Ковригина; Зюсс; Шебалдина; Послыхалин]. Эти люди успешно работали в отделениях Посольского приказа (1549–1720), а после его упразднения, в Коллегии иностранных дел, Сенате и Академии наук [Хотеев, с. 106].

Петр I сам очень любил читать книги по истории и, по словам Ф.-Х. Вебера (?–1739), ганноверского резидента при русском дворе, обладал «отличными познаниями в истории» [Вебер, с. 23]. Его увлечение коллекционированием древностей [Майкова, с. 103–105] распространилось в последние годы не только на памятники материальной культуры, но и на документы, которые могли подтвердить исторические притязания России. В результате императором были изданы указы о том, что найденные летописи и другие интересные документы следует отправлять в Сенат, Посольский приказ и Коллегию иностранных дел [Пекарский, 1862, с. 317–319; Каменский, с. 94–95], а многочисленные частные собрания были перевезены в Академию наук и стали основой фонда ее библиотеки [Луппов, 1973; Луппов, 1976; Hughes, с. 325].

В первую очередь Петр I интересовался тем разделом науки, который теперь принять называть всеобщей историей. Наиболее известной в то время была книга «Введение в историю европейскую» Самуэля фон Пуфендорфа (“*Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden*”, 1684), которая несколько раз переводилась с немецкого языка на русский напрямую или с использованием латинских переводов и неоднократно публиковалась на протяжении XVIII в., что позволило Пуфендорфу стать одним из самых влиятельных представителей исторического мышления в России XVIII в. [Winter, 1953, с. 194, 215; Малышева]².

² «Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное. Также чрез Иоанна Фридерика Крамера, на латинский предложенное. Ныне же повелением великаго государя Петра Перваго, всероссийскаго императора, на российский с латинскаго преведенное». СПб., 1718, 1723 (пер. Г. Ф. Бужинского); «Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств: С примечаниями и политическими разсуждениями. Переведена с немецкаго Борисом Волковым». СПб., 1767–1777.

Петр I проявлял живой интерес и к истории России. Он ознакомился с «Синописом Киевским» и «Степенной книгой» (1560–1563) – генеалогическими исследованиями, составленными при Иване Грозном и связывавшими российских монархов с более древними династиями Византии и Рима [Gonneau; Lenhoff; Lenhoff, Kleimola; ср.: Юрьев, Серов, 2013]. Хотя царь придерживался их идеологии, его больше интересовала возможность использовать историю для оправдания недавних военных походов и изменить в глазах Европы образ России как грубой варварской страны. Для этих целей Петр нанял вестфальского адвоката, историка и переводчика Г. Гюйсена (1666–1739). Последний имел связи с европейскими научными сообществами, познакомил Петра с Г. В. Лейбницем (1646–1716) и снабжал влиятельные немецкие журналы такими сведениями о России, которые помогли создать ее положительный образ. Стараниями Гюйсена европейская пресса часто отзывалась о Петре I восторженно. Благодаря связям с немецкой гимназией в Москве он также поддерживал отношения с городом Галле, одним из первых европейских центров русистики [Korzun].

После успеха в битве под Полтавой в 1709 г. история Северной войны стала одной из главных целей пропагандистской деятельности Петра I. Донесения с поля боя во время этой кампании и свидетельства иностранных участников событий отправлялись в Посольский приказ, где их переводили, составляя журнал боевых действий. Однако царь не был доволен этими переводами и сборниками и поручил это задание Кабинету Его Императорского Величества, который был превращен в исторический и переводческий орган [Погосян, с. 187; Алларт; Korzun, p. 175; Herman, 1872; Фоккеродт, Плейер; Федоров, с. 167 и след.]. Итогом этой работы стала «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских», выпущенная в 1713 г.; работа же над последней редакцией «Истории Свейской войны» была прервана после смерти Петра.

С точки зрения историографии «История» стала важной вехой его развития, поскольку это была первая российская попытка написания хроники, которая была основана на более или менее достоверных источниках и переведена на разные языки [Майкова]. Во время своего создания она описывала современные или совсем недавние события и имела большое значение, потому что сразу же могла использоваться как орудие политической пропаганды. Победа России в Полтавской битве вывела страну на международную политическую арену, и Петр не хотел упускать возможность поспособствовать достижению целей России в международной политике [Hughes, p. 21–62]. Нас в данном случае интересует роль, которую в этом процессе играли переводчики. Хотя перевод как таковой едва ли был когда-либо упомянут в отношении «Истории», он предоставлял новые источники информации и расширял границы исторических знаний. Ф.-Х. Вебер, например, критиковал использование почти исключительно иностранных,

а значит, недостоверных источников и говорил о необходимости ссылаться в том числе и на российские официальные документы [Weber, 1744, p. 253–254; ср. Вебер, с. 157; Blome, 2006]. Именно Гюйссен, один из переводчиков и преподаватель истории царевичу Алексею, впервые предложил идею рациональной истории, следуя принципам широкого использования первоисточников, сформулированным Пуфендорфом. Гюйссен также представил проект общей истории России, который получил дальнейшее развитие благодаря «отцам российской историографии» В. Н. Татищеву (1686–1750), Г. Ф. Миллеру (1705–1783), А. Л. Шлецеру (1735–1809) и М. М. Щербатову (1733–1790) [Федоров, с. 165–167; Korzun, с. 174–180]. В определенном смысле эти идеи дали начало новому принципу перевода и пониманию переводческой деятельности как части историографического процесса. Тем не менее, историю не перестали использовать как орудие пропаганды.

***Translatio illuminans*: перевод как часть историографического процесса**

В 1725 г., когда была учреждена Академия наук, только иностранцы, преимущественно немцы, владели специальными научными знаниями и могли в ней работать. Закономерно, что девять из 13 первых академиков были немецкого происхождения. С 1725 г. по 1743 г. 37 из 50 членов академии также были выходцами из Германии. В течение XVIII в. их число выросло до 67, при этом общее количество сотрудников равнялось 111. До 1773 г. рабочими языками в академии были немецкий и латынь [Marker, p. 46; Смагина, 20006, с. 209, 213]. Из 17 историков, преподававших в академии в XVIII в., 15 были немцами, а два других – выходцами из Франции и Швейцарии [Чернобаев, с. 127]. Разумеется, это приводило к языковым проблемам и трудностям в работе националистического свойства [ср.: Турнаев]. Многие историки столкнулись с проблемами перевода и/или непосредственно участвовали в их решении не только при написании своих научных работ, но и в обычных беседах со своими русскими коллегами. Иностранное происхождение первых историков России влияло на оценку трактования истории России на иностранном языке и становилось предметом горячих споров, особенно в трудные для страны времена, когда исторические факты нередко использовали для того, чтобы доказать или опровергнуть правомерность политических притязаний России. Не менее важной была задача сделать историю доступной для русскоязычных читателей. Тем более, что согласно проекту структуры академии и перечню обязанностей ее членов от 1724 г., результаты работы академиков должны были быть доступны для большинства слушателей или читателей. По этой причине все классы академии должны были иметь переводчика [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 1, с. 19; ср.: Истрина].

Языковые трудности имели место уже в 1725 г., когда востоковеду из Кенигсберга Г. З. Байеру (1694–1738) предложили должность в Академии наук на кафедре греческих и римских древностей. В 1735 г. Байер занял вновь созданную кафедру восточных древностей и языков [Пекарский, 1870–1873, т. 1, с. 180–196; Копелевич, с. 142; Готлиб Зигфрид Байер...; Васильева, 1999, с. 126–127; Смагина, 2000а; Смагина, 2000б; Scholz, 2001; Naissance de l'historiographie russe, р. 17–25]. Байера привлекали перспектива использования обширных фондов библиотеки и возможность публиковать свои научные труды [Winter, р. 182–183; Смагина, 2000а, с. 212]. Однако, как и большинство иностранных членов академии, он так никогда и не освоил русский язык [Старчевский, с. 125; Шлецер, с. 4]. Как и полагалось «классическому ученому» тех лет, Байер писал на латыни и публиковался в «*Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*» («Комментариях Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», 1726–1746), которые были малодоступны русскоязычному читателю. Попытку перевести латинские «Комментарии» на русский остановили после первого же выпуска, поскольку, по словам Миллера, «книгу никто не хотел похвалить, не умел понять, что читали, и свое неумение называли темнотою изложения и неверностью перевода, вследствие чего издание не продолжалось» [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 4, с. 156; ср. Здобнов, с. 41].

«Комментарии» было поручено переводить В. Е. Адодурову (1709–1780), И. И. Ильинскому (?–1739), И. С. Горлицкому (1690–1770), М. П. Сатарову (?–1732) и И. В. Паузе (1670–1735). Именно Паузе, рекомендованный Гюйзенем, специализировался на исторических текстах и стал первым посредником между Байером и его русским окружением [Перетц, с. 87–150; Winter, 1953, с. 170–171, 192; Winter, 1958; Glück, Polanska, с. 102–105; Huterer, с. 20–26]. Когда Байер примерно в 1730 г. обратился к истории России, он в большей степени полагался на зарубежные источники, написанные на тех языках, которыми он владел. Для ознакомления с документами на русском он обратился к переводчикам. Среди источников была и недавно обнаруженная Радзивилловская (Кёнингсбергская) летопись, в которой содержалась Повесть временных лет. Паузе переписал и частично перевел ее на немецкий и латинский [ср.: Савельева].

Паузе был помощником Байера и его последователя Миллера до своей смерти в 1735 г., а затем его пост занял датчанин Б. А. Селлий (Sellius, 1695–1745), который специализировался на археографии, библиографии и переводе древних манускриптов на латынь. Благодаря его переводам многие до тех пор недоступные документы оказались в распоряжении ученых, хотя вопрос о степени их понимания остается спорным [Старчевский, с. 127–129; СРП 18, т. 3, с. 107–108]. Ему на смену пришел К. А. Кондратович (1703–1788). До своего назначения Кондратович помогал В. Н. Татищеву в написании «Истории российской», делая переводы польских и латинских текстов. Среди них были

статьи Байера на латыни, которые иначе остались бы недоступны Татищеву [Black, 1986, с. 105, 239; СРП 18, т. 2, с. 115–118].

Перевод также помогал распространять исторические исследования Байера и других ученых. Эта работа выпала на долю Миллера, которого первоначально определили адъюнктом в недавно основанную академию. Он преподавал латынь, историю и географию в Академической гимназии, вел протоколы академических совещаний, а затем был назначен редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая издавалась академией с 1728 г. Миллер увлекался историей и благодаря поддержке Байера стал выпускать в этой газете «(Месячные) исторические, генеалогические и географические примечания» дважды в неделю в качестве приложения. Кроме статей на языке оригинала, в нее входили переводы, которые выполняли В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт (Taubert, 1717–1771), М. В. Ломоносов (1711–1765), В. К. Тредиаковский (1703–1768), И. П. Яхонтов (?–1740) и М. Шванвиц (Schwanwitz, ?–1740) [Койтен]. В 1732 г. Миллер выпустил “Sammlung russischer Geschichte” («Собрание российской истории»), издание, предназначенное для того, чтобы познакомить иностранных читателей с историей России.

Первая серия «Собрания» вышла отдельным выпуском в 1730-х гг. и содержала первую публикацию, а именно перевод (!) Радзивилловской летописи, а также пять статей Байера, которые затем вошли в его книгу «История Азова» [“Histoire d’Azov” de Gottlieb Siegfried Bayer]. Впоследствии Тауберт перевел ее на русский язык [Краткое описание случаев, касающихся Азова...; ср.: Савельева]. Миллер хотел, чтобы “Sammlung” было переведено на русский, но эта идея была реализована не сразу, а только в 1750-е гг., когда Миллер создал журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) [Пекарский, 1867; Белковец, с. 69–70; Кулакова, с. 346]³. Кроме того, можно было найти много переводческих параллелей между историческими заметками в журнале и в “Sammlung” Миллера, а также в анонимных публикациях его исследований, которые имели незаконное хождение за границей, так как исключительные права на них принадлежали Российской империи [Ср.: Hoffmann, Osipov; Hoffmann; Black, с. 123–158; Bucher, с. 111–123].

С 1733 по 1743 г. Миллер участвовал в Великой Северной экспедиции (Второй Камчатской экспедиции). Его главная задача состояла в том, чтобы собрать исторические и этнографические материалы, которые впоследствии он использовал в качестве источников для написания собственной истории Сибири [Black, с. 103–104; Титова, 2007]. Детальные инструкции, которые Миллер дал своему адъюнкту И. Э. Фишеру (Fischer, 1697–1771) в 1740 г., говорят о том, что он был хорошо ознакомлен с языковыми трудностями, которые неизбежно проявились бы в ходе общения с коренными жителями. Миллер

³ Ю. Х. Копелевич считала, что «Ежемесячные сочинения» вряд ли содержали переводы, но это не так [Копелевич, с. 481; ср.: Каменский, с. 388].

посоветовал Фишеру составлять словари [Müller ; ср.: Титова, 2001]. Однако эта рекомендация себя не оправдала, когда дело дошло до перевода источников. Печально известен случай с «Родословной историей о татарах» Туркмен-хана и историка Абулгази (1603–1664). Ее Миллер использовал для создания истории Сибири и опубликовал отдельным томом в 1768 г. В 1726 г. в Лейдене появилось издание на французском (“Histoire généalogique des Tatars”), которое было сделано шведскими военнопленными в Сибири. В. К. Третьяковский перевел французскую версию на русский язык, скопировав французские ошибки. Позже к Г. Я. Керу (Kehr, 1692–1740), востоковеду и переводчику Коллегии иностранных дел, обратились с просьбой сделать новый перевод оригинального текста. Однако перевод получился буквальным. Еще одну попытку предпринял Фишер, обратившись к французскому изданию для того, чтобы исправить ошибки Кера [Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. 6, с. 319–320; Титова, 2001; ср.: Соболев]. Этот случай говорит о том, что переводчики и их покровители либо не знали об этих проблемах, либо не беспокоились о том, что небрежность в переводе может исказить исторический факт и повлиять на его достоверность. Плохой перевод был лучше, чем его отсутствие.

Путаница с языками, однако, на этом не заканчивалась. В черновике введения к «Описанию сибирского царства...» (1750) Миллер предпринял попытку решить еще две важные проблемы. Первая состояла в необходимости провести различие между древнерусским и церковнославянским языком, с одной стороны, и современным русским, с другой. Миллер утверждал, что за исключением нескольких устаревших слов и выражений, для которых существовали приемлемые переводы, русский язык XVIII в. не так сильно отличался от церковнославянского и древнерусского. По мнению Миллера, почти все трудности происходили от неточностей, допущенных писцами, и от незнания современными читателями древних документов. По этой причине перевод помог бы сократить разрыв между прошлым и настоящим. Вторая проблема непосредственно касалась работы историков и переводчиков. Миллер, как и его адъютант Фишер, записывали свои наблюдения сначала на немецком, а затем самостоятельно переводили на русский [Титова, 2007, с. 222–224]. Несмотря на то, что практика перевода текстов на русский язык иностранцами была в то время достаточно распространена, Миллер наверняка знал, что именно в этом кроется причина переводческих ошибок. Во избежание критических замечаний он заранее заверил читателей в том, что добросовестно выполнил работу (как переводчик), и указал на то, что для составления качественных исторических научных трудов нужны хорошие переводчики [Миллер, 1937–1941, т. 1, с. 165]. И. Д. Шумахера (Schumacher, 1690–1761), библиотекаря Академии наук, эти доводы не убедили, и он отказался принять черновик Миллера. Мнение историка по поводу старого и нового

русского языка показалось ему оскорбительным, а утверждения о переводе – обманчивыми: Миллер (чужестранец!) делает вид, что переводил сам, в то время как в действительности это сделали переводчики Академии. Однако Шумахер не уточнил, кто из академических переводчиков сделал перевод, русский или иностранец [Там же, с. 462–463]. В конце концов библиотекарь написал собственное введение, в котором преуменьшил роль Миллера и заявил, что необходимость нанять компетентных переводчиков, найти которых непросто, составляет ключевую задачу академии [Миллер, 1750, предисловие; ср.: Миллер, 1937–1941, т. 1, с. 465].

(Продолжение статьи – в следующем номере).

Список литературы

Алларт Л. Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом) // Сев. архив. 1 (1822). № 1–2. С. 3–28, 117–143.

Алфёров Ж. И. Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб. : Наука, 2010.

Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. М. : РОССПЭН, 2012.

Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке // Книжная культура в мировом социуме : Теория, история, практика. М. : Наука, 2006.

Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. : Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988.

Васильева Н. Е. Немцы-востоковеды в Академии наук (XVIII – первая половина XIX в.) // Немцы в России : Петербургские немцы / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 126–136.

Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия : Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб. : Искусство-СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011.

Готтлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук. СПб. : Европейский дом, 1996.

Доронин А. В. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. : РОССПЭН, 2008.

Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит.-ры, 1951.

Зюсс В. Становление и развитие социокультурных и образовательных связей России и Германии: Эпоха Петра I // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 145–154.

Иларионова Т. Немцы на государственной службе России: к истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. М. : Ин-т энергии знаний, 2009.

Истрина М. В. Академические переводчики в XVIII веке // Книжное дело в России в XVI–XIX веках : сб. ст. Л. : БАН 1980. С. 105–115.

Каменский А. Б. Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект (постановка проблемы, историография, источники). М. : РГГУ, 1991.

Русские и немцы в XVIII веке : Встреча культур / сост. С. Я. Карп, Й. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М. : Наука, 2000.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс-Традиция, 2011.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век. М. : Едиториал УРСС, 2001 (КЛИА-18).

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века. М. : Едиториал УРСС, 2007 (КЛИА-19).

Клейн И. Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII века. М. : Языки славянской культуры, 2005.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее роль в русско-германских контактах первой половины XVIII в. // Русские и немцы в XVIII веке / сост. С. Я. Карп, Й. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М.: Наука, 2000. С. 189–202.

Койтен А. К истории русских и немецких примечаний к Ведомостям (1728–1742) // Russian Literature. Vol. 75. Iss. 3–4. 18th-Century Literature / Ed. by J. Klein. 2014. P. 265–304.

Копелевич Ю. Х. Основание петербургской Академии наук. Л. : Наука, 1977.

Краткое описание случаев, касающихся Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1738.

М. В. Ломоносов и словесность его времени : Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / сост. А. А. Костин, А. О. Дёмин. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013.

Кулакова И. П. Г. Ф. Миллер – агент европейского культурного влияния в России // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. Й. Смагина. СПб. : Росток, 2007.

Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб. : Алетейя, 2013.

Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995–1996.

Луттов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1973.

Луттов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л. : Наука, 1976.

Майкова Т. С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I / сост. Н. И. Павленко. М. : Наука, 1973. С. 103–132.

Маловичко С. И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А. Л. Шлецера). Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001.

Мальшева Н. И. Судьба книги Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» в России // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 187–197.

Материалы для истории Императорской Академии Наук. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1885–1900.

Миллер Г. Ф. Описание сибирского царства и всех произшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. СПб., 1750.

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1941.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII века.

Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1867.

Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1870–1873.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб. : тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1902. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в.

Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб. : Искусство-СПб., 2001.

Послыхалин А. Ю. Шведские военнопленные времен Северной войны в Москве и Подмоскowie, 1700–1721. URL: <http://trojza.blogspot.ru/2013/03/1700-1721.html> (mode of access: 27.11.2015).

Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб. : Пушк. Дом, 2008.

Савельева Е. А. Издание русских летописей в «Sammlung Russischer Geschichte» Г. Ф. Миллера // Немцы в России : Петербургские немцы / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 505–510.

Салтыков Ф. С. Изъяснения прибиточные государству // Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты / сост. Н. П. Павлов-Сильванский. СПб. : тип. В. Киршбаума, 1897.

Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII – XVIII в.). М. : Изд-во Моск. гос. ун-та печати, 1998.

Сапожников О. А., Сапожникова И. Ю. Мечта о русском единстве : Киевский Синопис (1674). М., 2013.

Семенников В. И. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783 гг. : Историко-литературное исследование. СПб. : Тип «Сириус», 1913.

Смагина Г. И. Российско-немецкие научные связи в XVIII–XIX вв. // Немцы в России : Русско-немецкие научные и культурные связи Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники, С.-Петербург. фил. [и др.] ; редкол.: Г. И. Смагина (отв. ред) и др. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000а. С. 208–224.

Смагина Г. И. Немцы-учителя и устроители учебных заведений Петербурга в XVIII в. // Русские и немцы в XVIII веке : встреча культур : [сборник] / Ин-т всеобщей истории ; редкол. : С. Я. Карп (отв. ред.), И. Шлобах, Н. Ф. Сокольская. М. : Наука, 2000б. С. 203–210.

Соболев В. С. И. Э. Фишер и изучение Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб. : Росток, 2007. С. 293–296.

Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 1988–2010 (СРП-18). URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=460> (дата обращения: 07.07.2015).

Старчевский А. В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1845.

Титова З. Д. И. Э. Фишер – участник второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России : Российско-немецкий диалог / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 27–32.

Титова З. Д. Вклад Г. Ф. Миллера в историко-этнографическое изучение народов Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура / сост. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб. : Росток, 2007. С. 215–225.

Турнаев В. И. О национальной тенденции в развитии Петербургской Академии наук (20–40-е гг. XVIII века): очерки истории русско-немецких научных связей. М. : Водолей Publ., 2007.

Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1941) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

Федоров В. С. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911.

Фоккеродт И. Г., Плейер О. Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. М. : Императ. общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1874.

Хотеев П. И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб., 2008.

Чернобаев А. А. Немецкие ученые-историки – члены Российской Академии наук в XVIII в. // Немцы в России : Три века научного сотрудничества / сост. Г. И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 125–135.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. М. : РГГУ, 2005.

Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера им самим описанная: пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г.; известия о тогдашней русской литературе. СПб., 1875.

Юрьев И., Серов Д. О. Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских. М. : ОГИ, 2013.

Argent G., Offord D. & Rjéoutski V. S. Foreword: French language acquisition in Imperial Russia // Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013. № 1. P. 1–4. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14839> (mode of access: 07.07.2015).

Barret-Kriegel B. Les académies de l'histoire. Paris, 1988.

Black J. L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston ; Montreal, 1986.

Blome A. “Die Zeitungen sind der Grund, die Anweisungen und Richtschnur aller Klugheit...” 6 Zu den Grundlagen der Rußlandhistoriographie im 17. und 18. Jahrhundert // Dahlmann D. (Hrsg.). Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen ; Bonn, 2006. S. 25–41.

Bucher G. Auf verschlungenen Pfaden : Die Aufnahme von Gerhard Friedrich Müllers Schriften in Europa // Dahlmann D. (Hrsg.). Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen ; Bonn, 2006. S. 111–123.

Burke P. A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot. Cambridge ; Malden, 2000.

Burke P. Languages and Communities in Early Modern Europe : The Wiles Lectures Given at the Queen's University Belfast. Cambridge, 2004.

Burke P. Cultures of Translation in Early Modern Europe // *Burke P., Po-Chia Hsia R.* (Eds.). Cultural Translation in Early Modern Europe. Cambridge, 2007. P. 7–38.

Cracraft J. The Petrine revolution in Russian culture. Cambridge (MA) ; London, 2004.

Cross A. By the banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997.

Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.

Golburt L. The First Epoch. The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination. Madison, 2014.

Gonneau P. Pierre le Grand, lecteur de la Stepennaia kniga : à la recherche de précédents historiques à la déchéance du tsarévitch Alexis // *Rev. des études slaves.* 2005. № 1. P. 51–59.

Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii (1547–1917) / ed. P. Gonneau, E. Rai. Paris, 2013.

Gouzévitch I. De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens. Paris, 2003.

Gouzévitch I. The Editorial Policy as a Mirror of Petrine Reforms: Textbooks and Their Translators in Early Eighteenth-Century Russia // *Science & Educa.* 2006. P. 841–862.

Grafton A. The Footnote : A Curious History. Cambridge, 1999.

Grafton A. What was History? The Art of History in Early Modern Europe. Cambridge, 2007.

Grell C. L'histoire entre érudition et philosophie : Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. Paris, 1993.

Herman E. Russland unter Peter dem Großen nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's. Leipzig, 1872.

Hoffmann P. Anton Friedrich Büsching (1724–1793) : Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 2000.

Hoffmann P., Osipov V. I. Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching-Gerhard Friedrich Müller, 1751 bis 1783. Berlin, 1995.

Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. N. Haven, 1998.

Huiterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der slawonisch-russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München ; Berlin ; Washington DC, 2001.

Keipert H. Russischlernen im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 2004. № 1. S. 70–95.

Kislova E. I. Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIII siècle // *Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies.* 1. 2013. P. 48–74. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14787> (mode of access: 07.07.2015).

Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin, 2002.

Korzun S. Heinrich von Huyssen (1666–1739) : Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden, 2013.

Lehmann-Carli G. Aufklärungsrezeption, 'prosveshchenie' und 'Europäisierung' // *Zeitschrift für Slavistik.* 1994. № 3. S. 358–382.

Lehmann-Carli G. Kulturelle Übersetzung westlicher Konzepte und nachpetrinische Identitätswürfe bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts // *Lehmann-Carli G., Drosihn Y. & Klitsche-Sowitzki U.* (Hrsg.). Russland zwischen Ost und West? Gratwanderungen nationaler Identität. Berlin, 2001. S. 13–80.

Lenhoff G. The construction of Russian history in Stepennajkniga // *Rev. des études slaves.* 2005. № 1. C. 31–50.

Lenhoff G., Kleimola A. M. The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness. Bloomington, 2011.

Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985.

„Histoire d'Azov" de Gottlieb Siegfried Bayer // *Naissance de l'historiographie russe* / ed. M. Mervaud, S. Viellard. Toulouse, 2009. P. 17–71.

- Naissance de l'historiographie russe / red. Mervaud M., Viellard S. Toulouse, 2009.
- Müller G. F. Instruction G. F. Müller's für den Akademiker-Adjuncten J. E. Fischer // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1900. № 1. С. 37–109.
- Mulsow M. *Prekäres Wissen. Eine andere Ideengeschichte der Frühen Neuzeit*. Berlin, 2012.
- Offord D. Francophonie in Imperial Russia // Rjéoutski V. S., Argent G. & Offord D. (Eds.). *European Francophonie: the social, political and cultural history of an international prestige language*. Oxford, 2014. P. 371–404.
- Okenfuss M. J. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia : Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. Leiden, 1995.
- Rjéoutski V. Apprendre la 'langue de l'Europe': le français parmi d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières // *Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2013a. № 1. P. 5–19. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14833> (mode of access: 07.07.2015).
- Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières // *Vivliofika: E-J. of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2013b. № 1. P. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789>(mode of access: 07.07.2015).
- Schierle I. „Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern“ : Übersetzungen im Zeitalter Katharinas II // Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Berlin, 2001. S. 627–642.
- Schippan M. *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden, 2012.
- Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft : Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. Wiesbaden, 2000.
- Scholz B. Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte*. Berlin, 2001. S. 515–536.
- Sweet R. *Antiquaries : The discovery of the past in eighteenth-century Britain*. L. ; N. Y., 2004.
- Turner J. *Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. Princeton ; Oxford, 2014.
- Weber F. *Ch. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie*. Paris, 1725.
- Weber F. *Ch. Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser...* Leipzig, 1744.
- Winter E. (Hrsg.). Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.
- Winter E. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 // *Zeitschrift für Slawistik*. 3. 1958. № 5. S. 744–770.

References

- Allart, L. N. (1822). *Podrobnoe opisanie osady goroda Narvy i srazheniya pod sim gorodom v 1700 godu (otryvok iz Istorii Petra Velikogo, sochinennyj generalom Allartom. Rukopis')* [Detailed description of the siege of the town of Narva and the battle near that town in 1700]. In *Severnyy arkhiv, Part 1, № 1*, pp. 3–28, № 2, pp. 117–143.
- Alferov, Zh. I. (2010). *Akademiya nauk v istorii kul'tury Rossii XVIII–XX vekov* [The Academy of Sciences in the cultural history of Russia in the 18th – 20th centuries]. 707 p. Sankt Petersburg, Nauka.
- Andreev, A. Yu. & Posokhov, S. I. (Eds.). (2012). *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [The university in the Russian Empire, 18th – first half of the 19th centuries]. 671 p. Moscow, ROSSPEN.
- Argent, G., Offord, D. & Rjéoutski, V. S. (2013). Foreword: French language acquisition in Imperial Russia. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, 1*, pp. 1–4. Available at: URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14839> (mode of access: 28.08.2015).
- Barenbaum, I. E. (2006). *Frantsuzskaya perevodnaya kniga v Rossii v XVIII veke. Knizhnaya kul'tura v mirovom sotsiume. Teoriya, istoriya, praktika* [Books translated from

French in 18th-century Russia. The culture of books in an international context. Theory, history, practice]. 448 p. Moscow, Nauka.

Barret-Kriegel, B. (1988). *Jean Mabillon*. 299 p. Paris, Presses Universitaires de France.

Barret-Kriegel, B. (1988). *La défaite de l'érudition*. 350 p. Paris, Presses Universitaires de France.

Barret-Kriegel, B. (1988). *La République incertaine*. 368 p. Paris, PUF.

Barret-Kriegel, B. (1988). *Les académies de l'histoire*. 233 p. Paris, PUF.

Belkovets, L. P. (1988). *Rossiya v nemetskoj istoricheskoj zhurnalistike XVIII v. G. F. Miller i A. F. Byushing* [Russia and German historical journalism of the 18th century. G. D. Müller and A. F. Busching]. 284 p. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta.

Black, J. L. (1986). *G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy*. 290 p. Kingston ; Montreal, McGill-Queen's University Press.

Blome, A. (2006). „Die Zeitungen sind der Grund, die Anweisungen und Richtschnur aller Klugheit...“ : Zu den Grundlagen der Rußlandhistoriographie im 17. und 18. Jahrhundert. In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (S. 25–41). Göttingen – Bonn, University Press.

Bucher, G. (2006). Auf verschlungenen Pfaden. Die Aufnahme von Gerhard Friedrich Müllers Schriften in Europa In Dahlmann, D. (Hrsg.). *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (S. 111–123). Göttingen ; Bonn, University Press.

Burke, P. (2000). *A social history of knowledge. From Gutenberg to Diderot*. 268 p. Cambridge ; Malden, Polity Press.

Burke, P. (2004). *Languages and Communities in Early Modern Europe: The Wiles Lectures Given at the Queen's University Belfast*. 210 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Burke, P. (2007). Cultures of Translation in Early Modern Europe. In Burke, P. & Po-Chia Hsia, R. (Eds.). *Cultural Translation in Early Modern Europe* (pp. 7–38). Cambridge, Cambridge University Press.

Chernobaev, A. A. (2003). *Nemetskie uchenye-istoriki – chleny Rossiyskoj Akademii nauk v XVIII v.* [German historians as members of the Russian Academy of Sciences in the 18th century]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Tri veka nauchnogo sotrudnichestva* (pp. 125–135). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Cracraft, J. (2004). *The Petrine revolution in Russian culture*. 576 p. Cambridge (MA) ; London, Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard University Press.

Cross, A. (1997). *By the banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia*. 358 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Doronin, A. V. (2008). „Vvodya nravy i obychai Evropeyskie v Evropeyskom narode“ : k probleme adaptatsii zapadnykh idej i praktik v Rossiyskoj imperii [“Introducing European manners and customs to a European nation” : On the problem of adapting western ideas and social practices in the Russian Empire]. 255 p. Moscow, ROSSPEN.

Faynshteyn, M. Sh. (2002). „I slavu Frantsii v Rossii prezvoyti...“ : Rossiyskaya Akademiya (1783–1941) i razvitie kul'tury i gumanitarnykh nauk [Russia will surmount the fame of France. The Rossiiskaia Akademiia and the development of culture and the humanities]. 192 p. Moscow, Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Fedorov, V. S. (1911). *200-letie Kabineta Ego Imperatorskago Velichestva, 1704–1904* [200 years of the Emperor's Private Cabinet]. 680 p. Sankt Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg.

Fokkerodt, I. G. & Pleyer, O. (1874). *Rossiya pri Petre Velikom, po rukopisnomu izvestiyu* [Russia in the age of Peter the Great]. 122 p. Moscow, Imperatorsk. o-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. un-te.

Glück, H. & Polanska, I. (2005). *Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*. 264 S. Wiesbaden, Harrassowitz.

Golburt, L. (2014). *The First Epoch. The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination*. 387 p. Madison, University of Wisconsin Press.

Gonneau, P. (2005). Pierre le Grand, lecteur de la Stepennaia kniga : à la recherche de précédents historiques à la déchéance du tsarévitch Alexis. In *Revue des études slaves*, 1, pp. 51–59.

Gonneau, P. & Rai, E. (Eds.). (2013). *Ecrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilii Kliuchevskii (1547–1917)*. 287 p. Paris, Institut d'Études Slaves.

Gottlib Zigfrid Bayer – akademik Peterburgskoy Akademii nauk [Gottlieb Siegfried Bayer – academic of the Petersburg Academy of Sciences]. (1996). 79 p. Sankt Petersburg, Evropeysky Dom.

Gouzévitch, I. (2003). *De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens*. 151 p. Paris.

Gouzévitch, I. (2006). The Editorial Policy as a Mirror of Petrine Reforms: Textbooks and Their Translators in Early Eighteenth-Century Russia. In *Science & Educa*, pp. 841–862.

Grafton, A. (1999). *The Footnote. A Curious History*. 241 p. Cambridge, Harvard University Press.

Grafton A. (2007). *What was History? The Art of History in Early Modern Europe*. 319 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Grell, C. (1993). *L'histoire entre érudition et philosophie. Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières*. 301 p. Paris, Presses universitaires de France.

Herman, E. (1872). *Russland unter Peter dem Großen nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's*. 140 S. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot.

Hoffmann, P. (2000). *Anton Friedrich Büsching (1724–1793). Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung*. 322 S. Berlin, Berlin Spitz Cop.

Hoffmann, P. & Osipov, V. I. (1995). *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching-Gerhard Friedrich Müller, 1751 bis 1783*. 577 S. Berlin, Akademie-Verlag.

Hughes, L. (1998). *Russia in the age of Peter the Great*. 602 p. New Haven, Yale University Press.

Huterer, A. (2001). *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der slavonisch-russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. 327 p. München ; Berlin ; Washington DC, Sagner.

Iarionova, T. (2009). *Nemtsy na gosudarstvennoy sluzhbe Rossii: k istorii voprosa na primere osvoeniya Dal'nego Vostoka* [Germans in the service of the Russian state: the history of the issue through the example of the Far East]. 224 p. Moscow, Institut energii znany.

Istrina, M. V. (1980). *Akademicheskie perevodchiki v XVIII veke* [Academic Translators in the 18th century]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XVI-XIX vekakh. Sbornik statey* (pp. 105–115). Leningrad, BAN.

Kamensky, A. B. (1991). *Arkhivnoe delo v Rossii XVIII veka: istoriko-kul'turnyy aspekt (postanovka problemy, istoriografii, istochniki) : Uchebnoe posobie* [Archives in Russia in the 18th century: historical and cultural aspects. Handbook]. 70 p. Moscow, RGGU.

Karp, S. Ya. (Ed.), Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Transl.). (2000). *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* [Russians and Germans in the 18th century. The encounter of cultures]. 312 p. Moscow, Nauka.

Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vypusk 1. XVIII vek [Catalogue of personal archival resources of Russian historians. Part 1. The 18th century]. (2001). 368 p. Moscow, Ed. URSS.

Katalog lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov. Vypusk 2. Pervaya polovina XIX veka [Catalogue of personal archival resources of Russian historians. Part 2: First half of the 19th century]. (2007). 720 p. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

Keipert, H. (2004). Russischlernen im 18. Jahrhundert. In *Zeitschrift für Slavische Philologie, 1*, S. 70–95.

Khoteev, P. I. (2008). *Nemetskaya kniga i russkiy chitatel' v pervoy polovine XVIII veka* [German books and their Russian readers in the first half of the 18th century]. 372 p. Sankt Petersburg.

Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyy vybor Rossii vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoy knizhnosti k evropeyskoy uchenosti* [Russia's intellectual choice in the second half of the 17th and the beginning of the 18th centuries]. 472 p. Moscow, Progress-Traditsiya.

Kislova, É. I. (2013). Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIII siècle. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, 1*, pp. 48–74. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14787> (mode of access: 07.07.2015).

Kleyn, I. (2005). *Puti kul'turnogo importa: trudy po russkoy literatury XVIII veka* [Ways of cultural import: studies of Russian literature in the 18th century]. 576 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Koch, K. (2002). *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*. 456 S. Berlin.

Kopelevich, Yu. Kh. (1977). *Osnovanie peterburgskoy Akademii nauk* [The founding of the Petersburg Academy of Sciences]. 210 p. Leningrad, Nauka.

Kopelevich, Yu. Kh. (1999). G. F. Miller i Peterburgskaya Akademiya nauk [Muller and the Petersburg Academy of Sciences]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 475–483). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Korzun, S. (2013). *Heinrich von Huyssen (1666 - 1739): Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen*. 267 S. Wiesbaden.

Kostin, A. A. & Demin, A. O. (Eds.). (2013). *M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhenie v russkoy literature XVIII veka* [Lomonosov and the literature of his time. Translation and imitation in Russian literature of the 18th century]. 304 p. Moscow, Sankt Petersburg.

Kovrigina, V. A. (2000). *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee rol' v russko-germanskikh kontaktakh pervoy poloviny XVIII v.* [The German borrow in Moscow and its role in the establishment of Russian-German contacts in the first half of the 18th century]. In Karp, S. Ya. (Ed.), Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Transl.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* (pp. 189–202). Moscow, Nauka.

Kulakova, I. P. (2007). G. F. Miller – agent evropeyskogo kul'turnogo vliyaniya v Rossii [G. F. Muller as an agent of European cultural influence in Russia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 340–357). Sankt Petersburg, Rostok.

Labutina, T. L. (2013). *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in pre-Petrine Russia]. 272 p. Sankt Petersburg, Aleteyya.

Lehmann-Carli, G. (1994). Aufklärungsrezeption, 'prosveshchenie' und 'Europäisierung'. In *Zeitschrift für Slawistik*, 3, S. 358–382.

Lehmann-Carli, G. (2001). Kulturelle Übersetzung westlicher Konzepte und nachpetrinische Identitätsentwürfe bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. In Lehmann-Carli, G., Drosihn, Y. & Klitsche-Sowitzki, U. (Hrsg.). *Russland zwischen Ost und West? Gratwanderungen nationaler Identität* (S. 13–80). Berlin, Frank und Timme.

Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). (2001). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825): Aufklärung und Europa*. 681 S. Berlin, Verlag Arno Spitz GmbH Berlin.

Lenhoff, G. (2005). The construction of Russian history in Stepennaja kniga. In *Revue des études slaves*, 1, pp. 31–50.

Lenhoff, G. & Kleimola, A. M. (2011). *The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness*. 364 p. Bloomington, Indiana.

Levin, Yu. D. (1995–1996). *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury: drevnyaya Rus'. XVIII vek* [History of Russian translated literature: Old Russia. 18th century]. Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Lupov, S. P. (1973). *Kniga v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka* [Books in Russia in the first quarter of the 18th century]. 372 p. Leningrad, Nauka.

Lupov, S. P. (1976). *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya 1725–1740* [Books in Russia after Peter I, 1725–1740]. 380 p. Leningrad, Nauka.

Malovichko, S. I. (2001). *Otechestvenna istoricheskaya mysl' XVIII veka o vznikenii i ranney sotsial'no-politicheskoy zhizni drevnerusskogo goroda (ot kievskogo "Sinopsis" do "Nestora" A. L. Shletera)* [Russian historical thinking in the 18th century on the emergence and the early social and political life in Russian towns. From the Kievan "Sinopsis" to Schlozer's "Nestor"]. 415 p. Stavropol, Izd-vo Stavrop. gos. un-ta.

Malysheva, N. I. (2001). *Sud'ba knigi Samuila Pufendorfa "O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina" v Rossii* [The fate of Samuel Puffendorf's "On the obligations of man and citizen"]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetsky dialog* (pp. 187–197). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Marker, G. (1985). *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700 - 1800*. 301 p. Princeton, Princeton University Press.

Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii Nauk [Materials for a history of the Imperial Academy of Sciences]. (1885–1900). Sankt Petersburg, Tip. Imp. AN.

Maykova, T. S. (1973). *Petr I i "Gistoriya Sveyskoy voyny"* [Peter I and the "History of the Northern War"]. In Pavlenko, N. I. (Ed.). *Rossiya v period reform Petra I* (pp. 103–132). Moscow, Nauka.

Mervaud, M. (2009). "Histoire d'Azov" de Gottlieb Siegfried Bayer. In Mervaud, M. & Viellard, S. (Eds.). *Naissance de l'historiographie russe* (pp. 17–71). Toulouse.

Mervaud, M. & Viellard, S. (Réd.). (2009). *Naissance de l'historiographie russe*. 273 p. Toulouse.

Miller, G. F. (1750). *Opisanie sibirskago tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del, ot nachala a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy Derzhave po sii vremena* [Description of the kingdom of Siberia and all the events that have happened there, from the beginning and in particular from its to the its subjugation to the Russian Power until this day]. 457 p. Sankt Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk.

Miller, G. F. (1937–1941). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 607 + 637 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.

Miller, F. G. & Kamensky, A. B. (Comp.). (1996). *Sochineniya po istorii Rossii. Izbranoe* [Works on the history of Russia. Selection]. 448 p. Moscow, Nauka.

Mulsoy, M. (2012). *Prækäres Wissen. Eine andere Ideengeschichte der Frühen Neuzeit*. 556 S. Berlin, Suhrkamp Verlag.

Müller, G. F. (1900). Instruction G. F. Müller's für den Akademiker-Adjuncten J. E. Fischer. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii, I*, pp. 37–109.

Offord, D. (2014). Francophonie in Imperial Russia. In Rjéoutski, V. S., Argent, G. & Offord, D. (Eds.). *European Francophonie: the social, political and cultural history of an international prestige language* (pp. 371–404). Oxford, Peter Lang.

Okenfuss, M. J. (1995). *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. 290 p. Leiden, Brill Academic publ.

Pekarsky, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. 1: Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII veka* [Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1: introduction to the history of the Enlightenment in Russia in the 18th century]. 578 p. Sankt Petersburg, tip. t-va "Obschestvennaya Pol'za".

Pekarsky, P. P. (1867). *Redaktor, sotrudniki i tsenzura v russkom zhurnale 1755–1764 godov* [Editor, collaborators and censorship in a Russian journal, 1755–1764]. 88 p. Sankt Petersburg.

Pekarsky, P. P. (1870–1873). *Istoriya Imperatorskoy akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in Saint-Petersburg]. 774 + 1042 p. Sankt Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk.

Peretts, V. N. (1902). *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy. Tom 3: iz istorii razvitiya russkoy poezii XVIII v.* [Historical and literary studies and materials. Vol. 3: on the history of Russian poetry in the 18th century]. 426 p. Sankt Petersburg, Tipografiya F. Vaysberga i P. Gershunina.

Pogosyan, E. (2001). *Petr I – arkhitektor rossiyskoy istorii* [Peter I as architect of Russian history]. 424 p. Sankt Petersburg, Iskusstvo-SPB.

Poslykhalin, A. Yu. (n. d.). *Shvedskie voennoplennye vremen Severnoy voyny v Moskve i Podmoskov'e, 1700–1721* [Swedish POWs from the Northern War in Moscow and surroundings, 1700–1721]. URL: <http://trojza.blogspot.ru/2013/03/1700-1721.html> (mode of access: 07.07.2015).

Rak, V. D. (2008). *Stat'i o literature XVIII veka* [Articles on literature of the 18th century]. 640 p. Sankt Petersburg, Pushkinsky dom.

Rjéoutski, V. (2013) Apprendre la 'langue de l'Europe': le français parmi d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, I*, pp. 5–19. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14833> (mode of access: 07.07.2015).

Rjéoutski, V. (2013). Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au siècle des Lumières. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, I*, pp. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789> (mode of access: 07.07.2015).

Saltykov, F. S. (1897). *Iz'yavleniya pribytochnye gosudarstvu* [Declarations that are fruitful for the state]. In Pavlov-Sil'vanskiy N. P. (Sost.). *Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty*. Ch. II, pp. 1–47. Sankt Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma.

Samarin, A. Yu. (1998). *Rasprostranenie i chitatel' pervykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII–XVIII v.)* [The distribution and readership of the first books about the history of Russia]. 159 p. Moscow, Izd-vo MGUP.

Sapozhnikov, O. A. & Sapozhnikova, I. Yu. (2013). *Mechta o russkom edinstve. Kievskiy Sinopsis (1674)* [The dream of Russia's unity. The Kievan "Synopsis" (1674)]. 239 p. Moscow, Evropa.

Savel'eva, E. A. (1999). *Izдание russkikh letopisey v "Sammlung Russischer Geschichte" G. F. Millera* [The publication of Russian chronicles in G. F. Muller's "Sammlung

Russischer Geschichte”]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 505–510). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Savel'eva, E. A. (2000). Unterbibliothekar' Iogann Kaspar Taubert [Assistant-librarian I. K. Taubert]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* (pp. 295–308). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Schierle, I. (2001). “Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern”. Übersetzungen im Zeitalter Katharinas II. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (S. 627–642). Berlin, Verlag Arno Spitz.

Schippan, M. (2012). *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*. 493 S. Wiesbaden, Harrassowitz.

Scholz, B. (2000). *Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie*. 457 s. Wiesbaden, Harrassowitz.

Scholz, B. (2001). Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte*. S. 515–536. Berlin, Verlag Arno Spitz.

Semennikov, V. I. (1913). *Sobranie starayushcheesya o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoy II, 1768–1783 gg. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [The Congregation for the advancement of the translation of foreign books, created by Catherine II, 1768–1783. Historical-literary study]. 98 p. Sankt Petersburg, Tip “Sirius”.

Shebaldina, G. V. (2005) *Shvedskie voennoplennye v Sibiri v pervoy chetverti XVIII veka* [Swedish POWs in Siberia in the first quarter of the 18th century]. 210 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

Shletser, A. L. (1875). *Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera im samim opisannaya: prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 g.; izvestiya o togdashney russkoy literature* [The public and private life of A.L. Schlozer written by himself: his stay and service in Russia from 1761 until 1765]. 531 p. Sankt Petersburg.

Slovar' russkikh pisateley XVIII veka [Dictionary of Russian authors of the 18th century]. (1988-2010). Sankt Petersburg. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=460> (mode of access: 07.07.2015).

Smagina, G. I. (2000). *Rossiyskie-nemetskie nauchnye svyazi v XVIII–XIX vv.* [Russian and German scientific relations in the 18th and 19th centuries]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* (pp. 208–224). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Smagina, G. I. (2000a). *Nemtsy-uchitelya i ustroiteli uchebnykh zavedeniy Peterburga v XVIII v.* [German teachers and founders of schools in Petersburg in the 18th century]. In Karp, S. Ya., Shlobakh, Y. & Sokol'skaya N. F. (Eds.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke* (pp. 203–210). Moscow, Nauka.

Sobolev V. S. (2007). *I. E. Fisher i izuchenie Sibiri* [I. E. Fischer and the study of Siberia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 293–296). Sankt Petersburg, Rostok.

Starchevsky, A. V. (1845). *Ocherk literatury russkoy istorii do Karamzina* [Sketch of the Russian historical literature before Karamzin]. Sankt Petersburg, Tip. K. Zhernakova.

Stockhorst, S. (2010). *Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation*. 343 p. Amsterdam ; N. Y., Rodopi.

Sweet, R. (2004). *Antiquaries. The discovery of the past in eighteenth-century Britain*. 473 p. L., N. Y.

Titova, Z. D. (2001). *I. E. Fisher – uchastnik vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii (neopublikovannyye materialy serediny XVIII v.)* [Fischer as a participant of the Second Kamchatka expedition (unpublished materials from the mid-18th century)]. In Smagina, G. I. (Ed.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetskiy dialog* (pp. 27–32). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Titova, Z. D. (2007). *Vklad G. F. Millera v istoriko-etnograficheskoe izuchenie narodov Sibiri* [G. F. Muller and the historical and ethnographical study of the peoples of Siberia]. In Dal'mann, D. & Smagina, G. I. (Eds.). *G. F. Miller i russkaya kul'tura* (pp. 215–225). Sankt Petersburg, Rostok.

Turnaev, V. I. (2007). *O natsional'noy tendentsii v razvitii Peterburgskoy Akademii nauk (20–40-e gg. XVIII veka): ocherki istorii russko-nemetskiikh nauchnykh svyazey* [On the national tendencies in the development of the Petersburg Academy of sciences (1720–1740s): historical sketch of Russian-German scientific relations]. Moscow, Vodoley Publ.

Turner, J. (2014). *Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanities*. 550 p. Princeton ; Oxford, Princeton University Press.

Tyulenev, S. (2012). *Translation in the Westernization of Eighteenth-Century Russia*. 265 p. Berlin, Frank & Timme.

Vasil'eva, N. E. (1999). *Nemtsy-vostokovedy v Akademii nauk (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [German orientalists in the Academy of Sciences (18th - first half of the 19th centuries)]. In Smagina, G. I. (Ed., Comp.). *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* (pp. 126–136). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

Weber, F.-Kh. (2011). *Preobrazhennaya Rossiya ; Novye zapiski o nyneshnem sostoyanii Moskovii* [Nouveaux memoires sur l'état present de la Moscovie]. 304 p. Sankt Petersburg, Iskusstvo-SPb.

Vovina-Lebedeva, V. G. (2011). *Shkoly issledovaniya russkikh letopisey: XIX–XX vv.* [Research schools of the Russian chronicles: 19th–20th centuries] 928 p. Sankt Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Weber, F. Ch. (1725). *Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie*. 438 p. Paris, Pissot.

Weber, F. Ch. (1744). *Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser*. 490 + 247 + 243 S. Leipzig.

Winter, E. (Hrsg.). (1953). *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. 502 S. Berlin, Akad.-Verlag.

Winter, E. (1958). Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732. In *Zeitschrift für Slawistik*, 3 (5), S. 744-770.

Yur'ev, I. & Serov, D. O. (2013). *Izvestie o zhitii i deystvakh derzhavstvuyushchikh velikikh knyazey rossiyskikh* [Information about the life and deeds of the ruling Grand Princes of Russia]. 368 p. Moscow, OGI.

Zdobnov, N. V. (1951). *Istoriya russkoy bibliografii do nachala XX veka* [History of Russian bibliography before the 20th century]. 512 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

Zyuss, V. (2001). *Stanovlenie i razvitie sotsiokul'turnykh i obrazovatel'nykh svyazey Rossii i Germanii: Epokha Petra I* [Creation and development of socio-cultural and educational relations between Russia and Germany: the era of Peter I]. In Smagina, G. I. (Ed., Comp.). *Nemtsy v Rossii. Rossiysko-nemetskiy dialog* (pp. 145–154). Sankt Petersburg, Dmitry Bulanin.

*The article was submitted on 02.11.2015
Translated by Julia Kuvashova, Tatiana Kuznetsova*